

...Самолёт — орудие, которое прокладывает
воздушные пути, — приобщает человека
к вечным вопросам.

Антуан де Сент-Экзюпери

Пролог

По камуфлированным в коричневое и зелёное плоскостям его «мига» били, высекая искры, пули. Пока руки делали что положено, лётчик зачем-то вспоминал: «У “сейбра” шесть пулемётов системы Браунинга, по четыреста двадцать пять патронов на каждый ствол, калибр — двенадцать и семь, как у нашего дэ-шэ-ка». В следующий миг он понял, что самолёт больше не слушается рулей. Оставалось только прыгать. Скороговоркой передал ведущему: «Всё хорошо, временно расстаёмся, связь заканчиваю». Дёрнул, как учили, скобу. Раздался взрыв — это сработал пиропатрон.

Бронезаголовник кресла выбил остекление фонаря, и через секунду лётчик, открыв зажмуренные глаза, обнаружил себя в невесомости и непроглядной облачной вате. Ещё мгновение спустя раскрылся купол, рывок поставил на место голову и ноги. Вылетев из облаков, лётчик увидел внизу, в стороне, плотину ГЭС и реку. Голубую, очень голубую, удивительно голубую реку, разделявшую две азиатские страны.

Это была холодная и одновременно очень жаркая весна 1953-го. Далеко на востоке шли боевые действия, которые потом нарекут первым горячим сражением холодной войны.

Через три года на переделкинской даче знаменитый писатель и большой чиновник сочинит письмо вождям Союза Советских, начинавшееся со слов: «Не вижу возможности дальше жить». Письмо завершится отчаянным заявлением, что автор уходит из этой жизни «с превеликой радостью». Ещё не старый, крепкий и красивый, но совершенно седой человек положит пять страничек (на первой почерк ровен и разборчив, на пятой — нервен, дёрган, малопонятен) на прикроватную тумбочку. Полулёжа в постели, прижмёт к груди подушку, приставит к ней воронёный револьверный ствол и выстрелит прямо в изношенное сердце.

Когда после этого выстрела пройдёт шесть лет, в психиатрической больнице под городом Куйбышевом умрёт странный пациент, который называл себя философом, родному имени предпочитал непонятное латинское прозвище и километрами сочинял ложно-глубокомысленные афоризмы.

Ещё семь лет спустя на поверхность Луны впервые в истории опустится аппарат с людьми. Из него выйдет человек — неуклюжая фигура в громоздком скафандре — и произнесёт, зная, что его через 400 тысяч километров и треск радиопомех слушает вся Земля, заготовленную фразу про маленький шаг одного человека и огромный скачок всего человечества. За ним наружу выберется второй, оглядится вокруг и скажет: «Великолепное... запустение».

В космосе — загадочном, бесконечном, безмолвном — обращаются планеты, звёзды, кометы. По сво-

им расчерченным свыше траекториям, с положенными периодами и закономерностями. Иногда эту стройную и чёткую, как чертёж авиаконструктора, систему нарушают случайности — блуждающие камни, летящие очертя отсутствующую голову. Земля, милая наша колыбель, предохранена атмосферой. Болиды сгорают в ней дотла, лишь редчайшим из них удаётся пробить прозрачную броню и достичь земной поверхности (безвоздушная Луна избита метеоритами, как бетонная огневая точка на какой-нибудь линии Маннергейма). Правил тут нет. Никто не возьмётся предсказать, откуда прилетит очередной космический камень и куда ему суждено врезаться.

Если только и в самом деле — *суждено*; если в этом действительно нет случайности. Или же всё происходит произвольно, внеземное пространство — не космос, а бессмысленный неживой хаос, и в наших прозрениях и озарениях, как и в удивительных пересечениях человеческих судеб, нет никакого промысла и значения? Хочется верить в обратное, но постижение связи всего и вся недоступно сегодняшнему несовершенному человеку. Разум слаб, нужны какие-то ещё инструменты восприятия и осмысления.

Начну... с чего-нибудь. Буду ходить вокруг стержневой темы моего рассказа кругами — то широкими, то сужающимися, удаляясь от центра и возвращаясь к нему. Двигаться по невидимой и непростой, но подчинённой строгим законам небесной математики орбите, как движется вокруг Земли её старинная спутница Луна, которая сыграет в этом повествовании свою особую роль.

**Матвеев-
Амурский
и его потомки**

Ключом к пониманию времени и места может быть изучение фамильных историй.

В случае с Владивостоком, где я живу почти всю свою жизнь и где родился мой центральный герой, многое может рассказать, например, история рода Янковских. Его основатель — ссыльный, участник Польского восстания 1863 года Михаил Янковский. В Приморье он стал видным коммерсантом, исследователем, меценатом.

Или — история семьи обрусевших швейцарцев Бринеров, первый из которых, авантюрист Жюль, попал во Владивосток прямо с борта пиратского корабля. В 1920 году у его сына Бориса Бринера в браке с Марусей Благовидовой родился названный Юлием в честь деда мальчик, в будущем известный как Юл Бриннер — звезда «Великолепной семёрки», обладатель «Оскара».

Биография незаконнорожденного сына декабриста Николая Бестужева Алексея Старцева, который построил в Приморье фарфоровый и кирпичный

заводы, разводил оленей, выращивал персики, занимался шелководством...

Семейная драма педагогов Михаила и Марии Сибирцевых, чьи сыновья Всеволод и Игорь в революционную пору стали большевиками, активистами красного подполья — и оба погибли в годы Гражданской войны. Двоюродный брат Всеволода и Игоря — приморский партизан, которого знали под именем Саша Булыга. По-настоящему его звали Александром Фадеевым, впоследствии он стал писателем, автором «Разгрома» и «Молодой гвардии».

И конечно же — история семьи Матвеевых.

Человек из Хакодате

Николай Петрович Матвеев был первым русским (или даже первым европейцем), родившимся в Японии — стране, долгие века застѣгнутой на все пуговицы.

Одним из первых русских, посетивших Японию, стал в 1793 году поручик Адам Лаксман, но об открытии официальной российской миссии речи тогда идти не могло.

Писатель Иван Гончаров, состоявший в 1852–1854 годах секретарём при адмирале Евфимии Путятине и отправившийся с ним на фрегате «Паллада» в Японию, писал: «В географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остаётся — Япония. Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля».

В 1853 году Япония отказалась — вынужденно, под давлением Европы и Америки — от политики «сакоку», то есть самоизоляции (буквально — «страна на цепи»), но и после этого оставалась во многом

закрытой. Даже сегодня эта её закрытость, несколько потеряв в градусе, никуда не делась: Япония, выражаясь современным языком, держит социальную дистанцию. И всё-таки уже в середине XIX века многое изменилось. По договорам с Штатами, Англией, Францией, Россией, Голландией Япония открыла порты для зарубежных судов. Первыми стали Нагасаки, Канагава (Иокогама) и Хакодате.

В Хакодате в 1858 году заработало российское консульство. Этой первой дипломатической миссией России в Японии руководил спутник Путятина и Гончарова по походу на «Палладе» — востоковед, лингвист Иосиф Гошкевич. Он шаг за шагом строил консульский городок. К двухэтажной резиденции на вершине сопки прибавились баня, пекарня, склады, затем — школа, церковь, лазарет...

Фельдшером при консульстве с 1861 (или с 1864) года состоял некто Пётр Матвеев, ранее служивший на Балтике корабельным лекарем. О нём мало что известно. Он был кантонистом — так называли солдатских детей, в силу происхождения обязанных к военной службе (это фактическое закрепощение детей нижних чинов отменил Александр II). Матери не помнил, отец вроде бы погиб на Кавказе. Петра воспитывали на казённый кошт. Он вёл дневник и будто бы сочинял что-то ещё, но рундучок с рукописью погиб во время шторма.

Жена Петра — Феврония («Фефа») Николаевна Кривогорницына — была камчадалкой. Так называли детей от смешанных браков ительменов, то есть коренных жителей Камчатки, и русских. Сошёлся он с ней уже по пути в Японию.

В биографии сына Петра и Февронии, наречённого Николаем, — масса разночтений, и теперь с этим